

172 МИЛАЯ МАЛАЯ РОДИНА

Ирина ЛАРИОНОВА

г. Петрозаводск

ДЛИННЫЙ БЕРЕГ ДЕТСТВА МОЕГО

Длинный Берег. По-фински Питкяранта. Старинное местечко, которое периодически входило в состав России, Швеции и Великого княжества Финляндского, позже Финляндии и снова России. Веками здесь жили русские, карель и финны. Когда-то в этих краях добывали железную руду и даже серебро. Город весь в шахтах, давно закрытых, как и в пору моего детства. И не только руду там добывали. Как-то заглянула в отремонтированный к тому времени краеведческий музей и с удивлением узнала, что когда-то на Красной глинке (так мы называли место с почвой терракотового цвета, где любили играть в казаки-разбойники) был заводик, где выпускали бутылки под шампанское. Этот стекольный заводик, между прочим, поставлял в Париж до 10 миллионов бутылок в год. Невероятно! Меня потрясли сведения, о которых раньше не знала. Например, что до войны на территории Питкярантского района у финнов работало 38 шахт. Сейчас многие из них затоплены. В поселке Импилахти добывали жемчуг. Более 60 добротных сел существовало тогда в округе, а на се-

годняшний день жива лишь треть. Почему я об этом пишу? Да потому, что мы, дети, практически ничего не знали о своем крае. Поселки и деревни имели явно нерусские названия: Юляристи, Мантисаари, Уукса, Импилахти, Тулема, Мурсула и другие. Помню, поселок Койринойя называли запросто на русский манер – Коренная. И как печально осознавать теперь, что у меня, в общем-то, нет так называемой малой родины, как, например, у тех, у кого корни из Заонежья. Родители моих одноклассников приехали в Питкяранту из разных уголков России после Зимней войны. Мои – из Белоруссии. И мы – люди по существу без корней... Как так получилось? Конечно, теперь, когда я пишу эти строки, вполне осознаю, насколько сильна энергия этой земли, на которой мы появились на свет. И все неслучайно. Да и вообще, чем дольше мы живем, чем больше человек осваивает космос, тем роднее становится вся Земля в целом... Сама Планета. Наш большой, общий человеческий дом.

Рождение

Недавно в сетях выложили фотографию двухэтажного домика на берегу Ладоги. Сердце защемило. В этом доме родилось целое поколение питкярентских ребятишек, и я в том числе. Некоторые утверждают, что помнят себя с пеленок. К сожалению, моя память, как ни пытаюсь заглянуть в нее глубже, мало что говорит мне. Отдельные воспоминания возникают как вспышки молнии, ярко освещая на мгновение ту или иную ситуацию. Возвращение в прошлое подобно прогулке по подземному ходу с фонариком: что-то высвечивается, а многое остается в темноте, в полном забвении. Знаю точно, что мы с братом, двойняшки, появились на свет одновременно: вернее, сначала появился брат, а чуть позже я.

С самого начала, по рассказам мамы, я пользовалась совершенно особым родительским вниманием, потому что родилась очень слабой в отличие от брата, который, судя по фотографиям, был очень жизнерадостным и упитанным малышом. В шесть месяцев он уже крепко стоял на ногах, а я, между тем, начала ходить только в два года. Мама сомневалась, что я выживу, и всегда укладывала меня поближе к себе, но получилось все наоборот: Сережа прожил только шесть месяцев. До сих пор не могу объяснить себе, почему умирают маленькие дети. Он был таким аппетитным карапузом, что в наше время его фотографию непременно использовали бы для рекламы какого-нибудь детского питания. Брат умер скоростно от диспепсии. Около восьми часов вечера братишке стало плохо, а к пяти утра его не стало. Бедная наша мама, что она, должно быть, пережила!

Да, нам неизвестны судьбы Божьи: мы не знаем, почему и зачем происходит так, как происходит. Как-то в одной из книг о Гражданской войне я прочла историю, поразившую меня. Один из братьев возвращается домой, чтобы сообщить матери о гибели ее младшего сына. Реакция женщины была воистину удивительной. Услышав страшную новость, она повернулась к иконам в углу комнаты и, перекрестившись, сказала: «Бог дал, Бог взял, будет имя Господне благословенно вовеки...»

Человек все может пережить и перенести. Только теперь я знаю наверное: если в душе живет Бог, жить не проще, но все же легче, потому что, как сказал Христос: «Иго мое благо и бремя мое легко есть...»

Двор и дом

Судя по фотографиям, город во времена моего детства в конце 50-х и начале 60-х состоял в основном из деревянных домов и бараков. Правда, до сих пор сохранились некоторые старые каменные здания – яслей, детского сада и школы, где я училась. Мы жили на улице Пушкина, и поэтому имя великого поэта я знала с самого раннего детства. Когда детей из нашего дома № 5 по улице Пушкина спрашивали: «На какой улице вы живете?», мы с радостью декламировали: «Улица Пушкина, дом Колотушкина, двери покрашены, больше не спрашивай».

Помню: мне года три-четыре, на мне темно-синий матросский костюмчик. Стою на высоченном крыльце дома. У края крыльца железка, взрослые называют ее скоба и чистят об нее грязные сапоги, прежде чем войти в подъезд. Какое-то неловкое движение, я запинаясь за эту скобу и в ужасе лечу вниз! Крик, слезы, встревоженная мама...

Перед домом со стороны улицы, которая ведет к заводу, небольшой палисадник. Среди грядок с луком и редиской – цветы. С детства особенной любовью люблю лиловые ирисы. Гораздо позже я узнала, что ирисы названы в честь Ириды, богини радуги. А название цветку дал древнегреческий врач Гиппократ. Этот удивительный цветок в разных странах имеет свое значение. Например, в Японии он олицетворяет силу духа воина. Может, оттого, что его листья напоминают острые мечи? До сих пор в палисаднике, теперь превратившемся в заброшенный и безликий кусок земли, возвышаются береза и клен, посаженные моим отцом, которого уже нет в живых.

За домом громоздятся дровяные сараи, курятники, за ними – лесок, а в нем погребца, врытые в землю, в которых хранили картофель и другие припасы. Летом мы, девочки, любили играть в магазин. Собирали цветы, палочки, камешки, плоскую палку укладывали на камень, взвешивали дворовую продукцию и продавали друг другу. Ходили около продуктового магазина, рядом с которым позже появилась школа №1, собирали в придорожной траве фантики от конфет. Из них вырезали платья для бумажных кукол и принцесс. У меня даже был для этого маленький светло-коричневый чемоданчик. Однажды за сараями мы нашли мертвую ласточку и похоронили ее у погребца. Несущественное для мира событие засело занозой в памяти, наверное потому, что это было первое впечатление о смерти. Когда же в городе хоронили кого-то из людей – было очень страшно. Человека

везли в красном гробу под траурный марш на открытом грузовике по улице города. Следом шел оркестр. Это шествие внушало ужас.

Мой папа умел все. Он собственными руками смастерил во дворе деревянный домик, как настоящий, в котором мы, девочки, играли со своими куклами. А рядом стояли качели. Мы обожали играть в классики, прыгать со скакалкой. Теперь дети почти не знают, что такое кукла, кроватка для куклы, домик. Теперь главная игрушка – телефон... Другое время...

Поздним зимним вечером страшно было очутиться за сараями, где под тяжестью снега монотонно скрипят огромные старые ели, от чего сердце начинает усиленно колотиться. Зимой мы прямо с сарая прыгали в сугробы, доходившие нам чуть не до шеи. Довольно странно, но самые первые воспоминания у меня всегда связаны с какими-то темными вечерами. Опять зима. Метет пурга. Вечер. Мы шествуем в гости. Папа катит коляску с братцем. Коляска представляет собой бочонок бледно-зеленого цвета, да еще на полозьях. Иногда отец, к великой моей радости, позволяет мне встать на одно из полозьев и прокатиться.

В нашей большой комнате на тумбочке стоит радиоприемник. В печке потрескивают дрова, а я заберусь, бывало, с ногами на стул, уткнувшись в светящуюся панель и кручу ручку туда-сюда, передвигая стрелку от города к городу: Лондон, Будапешт, Париж, Берлин, и вслушиваюсь в разные незнакомые языки и музыку. Тогда мир казался огромным. В детстве я даже предположить не могла, что буду ездить по миру, побываю в разных уголках земли, в том же Париже, например. Помню, пролетев 12 часов на восток и оказавшись в Сеуле, с удивлением обнаружила траву и цветочки – точно такие же, как у нас в Карелии...

Завод

Сразу за палисадником – дорога, которая вниз по горке и по сей день ведет к главному месту в городе, к его сердцу – к целлюлозно-бумажному заводу, на котором работали мои родители и большинство других жителей города. Завод находится на острове Пусун-саари. Но в детстве для нас это был просто Остров, куда иногда летом мы ходили собирать землянику. Ее там было видимо-невидимо. Папа работал в варочном цехе, занимался тем, что варил целлюлозу. Мама, правда, сначала пекла хлеб на хлебозаводе, а уж потом перешла на целлюлозный завод. Прекрасно пом-

ню маму в спецодежде: белой блузе и белых штанах. Хлеб, который пекла мама, был самый вкусный на свете, как и кексы с изюмом за 17 копеек. Спустя десятилетия, приезжая в гости к родителям, непременно покупала ароматный хлеб и кекс. Таких больше нигде не было. Мой старший из двух братьев – Василий – одно время работал заместителем директора хлебозавода. Он-то мне и рассказал, что, оказывается, питкьярантский хлеб все время пекли в печах на дровах, поэтому он и был таким необычайно вкусным.

Завод-кормилец был для моих родителей всем. Родители – Иван Васильевич и Тамара Егоровна Гираковы – проработали на нем всю свою жизнь, как и папин брат Виктор Васильевич. Здесь в свое время работали мои братья, друзья, друзья друзей, родственники. Некоторые фамилии товарищей по цеху моих родителей до сих пор в памяти. Работая в ночные смены, сменяя друг друга, родители подняли нас, троих детей. Завод дал нашей семье новую благоустроенную квартиру. Отец получил здесь за свою работу орден Трудового Красного Знамени, бронзовую медаль ВДНХ за работу старшим варщиком.

Забавно, что спустя годы я тоже получила бронзовую медаль ВДНХ, только за работу в детской фотостудии. А началось все с ВДНХа! Почему? Да потому, что на выставке достижений народного хозяйства папе вручили новенький фотоаппарат ФЭД и папа пристрастил меня к фотографии, а потом, лет этак через тридцать, мне тоже на той же выставке вручили фотоаппарат, только уже новую модель, «Зенит». Отец получил звание заслуженного работника лесного хозяйства, а я стала заслуженным работником культуры Карелии. Но это так, к слову...

Когда родители встречались за столом с родственниками, а это всегда была большая компания, они пели... Многие песни до сих пор звучат в памяти...

*Пропел гудок заводской,
Конец рабочего дня.
И снова у проходной
Встречает милый меня.*

Эта песня на заводскую тему была одной из любимых у моих родителей и их друзей. Они и в самом деле любили свой завод. Он был для них родным. И несмотря на тяжелую жизнь, то поколение советских людей, к которым принадлежали мои родители, было романтиками.

Детский сад

Наш деревянный дом граничил с забором заводского детского сада, что было очень удобно: рано утром родители доводили меня до калянок и спокойно могли идти на работу. Была такая книжка «Про девочку Ириску и дом с красными полосками». После того как ее прочитали нам в детском саду, меня все так и называли «девочка Ириска». Произношу два слова «детский сад», и в памяти всплывает картина. Мы, ребята, возвращаемся с зимней прогулки. Снимаем валенки и мокрые в белых ледяных катышках шаровары. Вешаем их на горячую батарею и наблюдаем, как хрупкие снежные шарики тают, превращаясь на глазах в капельки воды. А потом идем мыть руки, и запах земляничного мыла разносится по всей умывальной комнате. Мыло липнет к рукам, оно такое же розовое, как наши щеки, румяные с мороза. Вода из крана идет холодная, горячей просто не было. Красные пальцы немножко пощипывает. Моемся наскоро, потому что из группы несется замечательный запах щей и под ложечкой уже сосет. Остается преодолеть только одно маленькое неприятное препятствие: перед супом приходится, зажмурив глаза и закрыв нос, выпить целую ложку тошнотворного рыбьего жира. После обеда – шлеп-шлеп – забираешься на раскладушку в чистую постельку с надеждой, что тихий час скоро закончится, наступит полдник с чаем и с восхитительной булкой, намазанной вареной сгущенкой. А потом приходит время, которого ждешь весь день с огромным нетерпением. Наша воспитательница Людмила Степановна Тихонова достает из коробки блестящий диапроектор. Шторы занавешивать не приходится: за окном густая темнота и холод, а здесь, в группе, тепло и уютно. Мы усаживаемся рядками. В темноте вспыхивает луч и освещает большой экран на простыне, подвешенной на стене. Начинается священнодействие! Один кадр постепенно сменяет другой, это ведь не кино, а диафильм, но цветной! Сказка «Морозко» до сих пор одна из моих любимых русских сказок. Слегка страшновато за бедную падчерицу, хотя давно известно, что будет дальше. И вдруг дверь открывается: за кем-то пришли, и ты тихо радуешься, что это не за тобой, потому что так хочется досмотреть, чем же закончится сказка, хотя смотрел ее уже не один раз.

За детским садом большой густой еловый лес. Зимой дух захватывает, когда несешься на санках, лежа на животе, ногами направляя их в нуж-

ную сторону, чтобы не врезаться в ствол дерева. А летом туда идти страшновато, потому что там темно и влажно. Мохнатые лапищи приходится раздвигать руками, иначе они норовят уколоть прямо в лицо. Летом под елками можно найти заячью капусту, от которой у всех во рту оскома. Боже мой, как я была поражена, когда через много лет, вернувшись в родной город и придя к детскому саду, обнаружила, что этот страшный лес состоит из нескольких елей, а крутая горка представляет собой что-то вроде небольшого бугорка... Помню, как на деревянной горке в саду я сломала правую руку. Ходила с гипсом. Это было первое серьезное происшествие в пять лет.

Почему-то в памяти сохранились в основном зимние впечатления. Но вот одна летняя картина. Теплый вечер. Наши воспитатели сидят на скамеечке. Наверное, это середина августа, потому что вокруг заросли темно-фиолетового аканитума. Мы называли эти цветы тувельками за форму цветка, и впрямь чем-то напоминающую тувельку. Чувствуется резкий запах календулы, вернее ноготков, потому что эти цветы в детстве назывались именно так. Иногда мы срываем их втихаря и приклеиваем на ногти яркие длинные лепестки, тщательно их послонявив. Выходит фантастически красиво, правда, красота эта и радость от нее мимолетны. Легкое движение – и лепестки срываются с пальчиков. Солнце ласково пригревает, косыми лучами пронизывая кусты, лаская цветы и ублажая всех и вся последним летним теплом. Вокруг вьются, жужжа, шмели. Одна из воспитательниц, яркая черноволосая и черноглазая женщина в пестром цветном платье, весело смеется. И вдруг к ней прямо на зубы садится шмель. Это длится одно мгновение: я замираю от восторга и ужаса...

Но шмель, очевидно и сам вовремя оценив ситуацию, благополучно улетает...

Баня

Без бани в городе, где в домах нет воды, просто никак. Городская баня находилась чуть ниже по улице, сразу за детским садом. Каждую субботу или воскресенье наша семья устраивала поход в баню, как, впрочем, и все другие горожане. Посещение бани было одновременно и приятным, и не очень: прежде чем попасть на помывку, нужно было долго и утомительно стоять в очереди. Помню жару, влажный пар, рев голопузых малышей, сидящих в тазах, шум бегущей воды,

запах распаренных березовых веников и желание, чтобы уже поскорей все это закончилось. Пока мама одевает красного как рак, орущего трехлетнего братца, сама пытаюсь натянуть на ноги чулки, которые никак не хотят натягиваться на влажное тело. Но вот надеты платье, чулки, кофта, завязан на голову белый банный платок. Выхожу в прохладный коридор и с нетерпением жду самого важного момента, ради которого и стоило идти в баню. Справа от раздевалки находится заветная дверь в буфет, где мама покупает бутылку вожделенного лимонада «Буратино» или «Дюшес». Холодный, сладкий, шипучий, самый лучший на свете напиток приятно шибает в нос. Каждый пьет свой стакан, растягивая незабываемое удовольствие. Это настоящий ритуал. Баня без лимонада была не баня.

Школа

Время в детстве казалось нескончаемым. Лето было очень длинным, еще длиннее тянулась зима. Кажется, что теперь все иначе. И даже дети, а что говорить о взрослых, часто рассуждают о том, как быстро пролетело лето. А мы, помню, ждали, когда же наконец в школу. Для меня сентябрь по сей день ассоциируется со школой, с запахом ноготков и георгинов, конечно.

Мы учились в восьмилетней школе на улице Титова. Прекрасно помню, как в первый класс меня вел папа, мама была на смене. Папа заплел мне косички, вручил букет с георгинами, и мы отправились в первый раз в первый класс. Нашей первой учительницей была Любовь Матвеевна, фамилии не помню. Она вела наш класс совсем недолго, а потом передала в надежные руки замечательной, очень харизматичной учительницы Клавдии Константиновны Гошкиной.

В классе было много тех, кто ходил со мной в одну и ту же группу детского сада, поэтому не было никакого стресса. Помню, на первом этаже – буфет с правой стороны от класса, где покупали пирожки с повидлом за 5 копеек. В классе было много учеников, наверное, около сорока. Некоторые учились неважно. Клавдия Константиновна, подходя к нерадивому ученику, взывала к пространству класса: «Ну, ему хоть кол на голове теши!» Мы тогда не понимали, что значит тесать кол, и были уверены, что учительница говорит про кол в тетради (хоть кол на голове пиши!).

Не буду говорить за других, но я любила школу. Нашим классным руководителем была учитель-

ница русского языка и литературы Антонина Андреевна Волкова. Понять по сей день не могу, как так получилось, но я просто обожала уроки русского языка, при этом не помню ни одного урока литературы. Любовью к литературе я заразилась от библиотекаря Нины Геннадьевны Губушкиной, которая увлекла нас настолько, что мы с моей одноклассницей Надеждой Кабиной, теперь – Гатиловой, выбрали своей специальностью – я филологию, она же стала библиотекарем. Для нас это общение не прошло даром. Вот так жизнь на всем своем пути посылает нам учителей. Просто нужно понимать, что каждый – добрый и даже не очень – любой человек – послан тебе на твоём пути, чтобы что-то до тебя донести. Оглядываясь назад, понимаешь, что узор твоей жизни не так уж и хаотичен.

В школе было много замечательных учителей. Среди них – одна из любимейших Нелли Георгиевна Воронова. В очках с сильными линзами, с причёской в виде валика на голове, в сарафане, модном тогда, строгая, она научила меня английскому языку так, что я всегда путешествовала по миру без проблем, а интерес к языку сохранила до сего дня.

Клара Федоровна Кобзарева, наш математик, осталась в памяти как человек добрый, светлый и душевный. Между прочим, мы все обожали географию, которую вела у нас директор школы Екатерина Ивановна Сосновская. Позже я часто удивлялась, почему многие мои сверстники не знают, где находится та или иная страна. У нас с этим не было проблем, а все это был результат работы Екатерины Ивановны.

С уроков истории строгой и суховатой Елены Ивановны Песси четко сохранились в памяти только даты. Разбуди посреди ночи, без проблем вспомню, когда была Куликовская битва. Было довольно скучно, а ведь как интересно можно было бы поведать об исторических событиях, если говорить о личностях в истории.

О своем крае на уроках истории принято было молчать... Это потом, спустя годы, я узнала, какие сложные бои с потерями шли в наших краях во время Великой Отечественной войны. Здесь и дед мой Василий Иванович Гиравов сложил голову в свои 33 года, и брат его Семен 29 лет умер в финском концлагере в поселке Ихала. Бабушка получила не похоронку, нет. Это было еще хуже. Ее муж пропал без вести в карельских лесах, а это значит, что никакого пайка и никаких денег за потерю кормильца она не получала, а на руках у нее было четверо малолеток. Их семья незадолго

до войны приехала в Карелию из Белоруссии и поселилась недалеко от Салми, в деревне Каркку. Там и упокоился прах моей бабушки Аполлинрии Митрофановны и прадеда Иоанна.

Как не вспомнить, что в пятом классе я стала председателем Совета дружины нашей школы. Помнится, она была так названа в честь Володи Дубинина, мальчика, погибшего от рук фашистов. Мы с детства были патриотами. А следы войны, хотя о них не говорили на уроках истории, говорили сами за себя. Местность, куда мы ездили на папином мотоцикле за грибами, называлась жутко – Долиной смерти. Мои одноклассницы – Раиса Михайлова (ныне Калинкина, заслуженный работник культуры Карелии) и Татьяна Бобина – на каникулах во время работ в лесничестве подорвались на оставленных в лесу боеприпасах и получили ранения, лежали в больнице.

После 8-го класса я не хотела идти в среднюю школу №1, потому что почти все выпускники, направляемые суперучителями этой школы – супругами Мокейковыми, специалистами в области химии, которых все в Питкяранте знали и побаивались, ехали поступать в Ленинград в институт целлюлозно-бумажной промышленности, но мне этого совсем не хотелось. Я терпеть не могла химию... Мечтала о творческой профессии и уехала в Петрозаводск.

Клуб завода и Дом пионеров

О религиозной жизни в те годы говорить не приходится. Мы, конечно, знали, что где-то рядом был Валаам, кто-то даже бывал там, но это было до возрождения на острове монастыря. А между прочим, именно от Питкяранты до Валаама ближе всего – рукой подать. О том, что в Питкяранте в прошлом веке была очень симпатичная деревянная церковь Вознесения Христова, я узнала лишь лет десять назад благодаря экспозиции «Старинный мотив» в Краеведческом музее имени В.Ф. Себина. Хочется добрым словом вспомнить его директора Антонину Варакину. Деятельная она была человек и мудрый, отличный организатор. Кстати, это при ней самый красивый и старый каменный дом в Питкяранте, так называемая бывшая усадьба финского аптекаря Фредерика Валлдена, построенная примерно в 1929 году, была отреставрирована и определена под музей. И это счастье, что в 90-е годы в Питкяранте появился такой замечательный человек, как священник протоиерей Олег

Вилко, благодаря которому духовная жизнь в районе возродилась.

Религиозной жизни не было, но культурная все же была. Так вот, для нашего детского сознания существовало понятие в одно слово «клубзавода», как место священное, как и сам «завод». В этот самый клуб молодые наши мама с папой бегали на танцы, а мы с братом, дожидаясь их, однажды расколотили подаренную маме в Москве фарфоровую статуэтку девочки-узбечки. В клубе нашего папу награждали, там рабочие отмечали свои праздники, а позже появились кружки для нас, детей. Мы ходили туда в танцевальный кружок. В 1965 году, если не ошибаюсь, Василий Федорович Себин создал там заводской музей, и мы, дети, гордились, что в музее есть папина фотография.

Дом пионеров тогда – это не то что теперь Дом творчества! Все кружки раньше работали бесплатно! Родители нас не регламентировали. Не до этого было. Помимо посменной работы, надо было огороды засадить картофелем, за грибами-ягодами поспеть, капусту наквасить, рыбы наловить. Жить как-то надо было. Куда хотели, туда мы и ходили, иногда меняя кружки как перчатки. Я посещала разные: кружок художественного чтения стихов (уж не помню, как он точно назывался), кружок мягкой игрушки, который вела добрейшей души Надежда Рустиковна Иванова. Ну и оставивший в моей памяти самое яркое и незабываемое впечатление – драматический кружок. Его вела талантливый педагог Надежда Сергеевна Тухкина, заслуженный работник культуры Карелии. 20 лет жизни она отдала культуре в Питкяранте, 10 лет руководила отделом культуры, создала труппу народного театра, была первым директором появившегося в 1976 году Дома культуры. Тогда, когда мы были подростками, она смогла не в шутку увлечь нас театром, интересными ролями, возможностью перевоплощения, гримом, наконец, Мы с азартом ставили спектакли. В «Снежной королеве» мне досталась роль господина коммерции советника. К тому времени у меня уже была стрижка, так что мужская роль мне пришлась по душе. В «Золушке» я играла одну из сестер. Теперь я думаю, что играли мы по Шварцу и Габбе. До сих пор помню эти слова из своей роли Господина коммерции советника: «Я: а) – отомщу, б) – скоро отомщу и в) – страшно отомщу. Я дойду до самой королевы!» Мне так нравился театр, что я мечтала стать режиссером, как Надежда Сергеевна. Кстати, один из питкярантцев – а именно Олег Липовецкий, –

все-таки стал режиссером, и не только режиссером, но и главным художественным руководителем театра «Шалом» в Москве. Семья Липовцевких в начале 70-х жила с нами на одной площадке в доме на улице Гоголя. Олег – сын известного в Питкяранте доктора Михаила Давидовича Липовецкого. Когда я бываю на кладбище, то вспоминаю поименно и пофамильно всех тех, кто когда-то жил в этом городе, творил, созидал, надеялся, что город будет расцветать. Сколько было планов...

Пионерский лагерь

У завода были своя поликлиника, клуб, детские сады и даже пионерский лагерь. Находился он в десятке километров от города в местечке «Сатули». Не сказать, чтобы это чем-то примечательное место. Озеро было через дорогу, купались не часто. И все же для многих из нас это было самое замечательное место отдыха. Двухэтажное каменное здание в центре усадьбы и несколько деревянных корпусов – вот и вся территория. Мы играли в футбол, устраивали Зарницу, концерты, фестивали, нам привозили кино. Было весело. Приезжали родители, привозили в качестве гостинцев сгущенку. В банке достаточно было сделать гвоздем пару дырок и потом потихоньку ее оттуда вытягивать ртом, посасывая. Это было наслаждение... Некоторые вожатые в нашем лагере были из Петрозаводска. В одной из лагерных смен музыкальным руководителем у нас была студентка музыкального училища Татьяна Элькина, дружба с которой сохранилась у меня по сей день.

Ладога

Когда на уроках географии нам, неопытным, Екатерина Ивановна Сосновская рассказывала, что Ладога – одно из самых больших озер Европы, мы очень этим гордились. Правда, мы и так знали, что наше озеро огромное, как море. Мы это видели воочию: можно было до усталости смотреть до самого горизонта, где небо сливалось с водной гладью. Мы могли наблюдать его в дни покоя и штиля, и в минуты, когда оно казалось ужасно страшным. Мы частенько слышали то одну, то другую трагическую историю о том, как озеро забрало чьего-то отца или братьев, или девушку. Таких семей было немало в Питкяранте.

Но жить у озера и не рыбачить было невозможно. Рыбаки были и в нашей семье. Ладога, как щедрая мать, кормила нас, питкярантцев, рыбой, да не абы какой: всегда можно было поймать отменного судака или сига, уж не говоря о щуке. Про мелочь и вообще молчу. Без ущицы никто никогда не оставался. Уже уехав в Петрозаводск на учебу, лет пять не брала в рот никакой рыбы, так она надоела, ведь готовили рыбу очень часто, да и надо признаться, готовили без затей и изысков. Зато теперь все по-другому. Когда свежая рыбка на столе – всегда праздник!

Григор Ауэр

Он так любил писать Ладожские шхеры, валамскую сирень... Вы спросите, кто этот Григор Ауэр и какое отношение он имеет к Питкяранте? Имя художника, писавшего в стиле реализма, Григора Ауэра (1882 – 1967) давно известно и почитаемо в Финляндии. Его работы находятся там в музеях и частных коллекциях. А в 2013 году мне посчастливилось увидеть полотна нашего земляка в Музее изобразительных искусств Карелии на выставке «Возвращение в Россию». Да-да, Григор наш земляк, он родился в 1882 году в Питкяранте в семье православного карела Дмитрия Прокофьева (или Прокопиева). История Питкяранты довоенного времени, как я уже писала, была совершенно закрытой темой для широкой публики, да и документов не сохранилось – основная их часть была вывезена финнами. Григорий, живший с семьей после революции на одном из питкярантских островов Ламмассаари, большую часть жизни прожил в Финляндии, где утвердился как художник. А между тем в пятнадцать лет, вслед за старшим братом, он уехал в Петербург, где учился у самого Репина. Среди его знакомых были известные художники Николай Рерих, Марк Шагал и Исаак Бродский. Работал какое-то время на должности хранителя Эрмитажа. И только в 1944 году он покинул свою виллу в Питкяранте. Очень тосковал по своему ладожскому дому. Хочется, чтобы питкярантцы знали о таком удивительном художнике, их земляке.

Будущее Питкяранты

В последние два десятилетия приезды в Питкяранту меня не радовали. Бывала здесь, как правило, в апреле, в день памяти отца. Удручало

всё: расхристанные дворы, обветшавшие дома, убогие подъезды домов, разбитый асфальт, закрытая железная дорога, обмельчавший завод. Апрель, прямо скажем, не самый приятный месяц для эстетики глаза, чего уж там. В очередной раз приехала, чтобы ухаживать за мамой. Была зима, грустное время для моей семьи. Чтобы как-то развеяться, в один из дней договорилась о встрече с писательницей и поэтом Анной Матасовой, которая живет в Питкяранте с сыном уже давно. Мне хотелось сделать интервью с Анной. Человек она глубокий, самодостаточный, активный и весьма незаурядный. Предпочитает уединение. Мы шли по кладбищенской дороге, что ведет к Ладоге в сторону пляжа, и беседовали о плюсах и минусах жизни в провинциальном маленьком городе. Я с детства прекрасно знаю это место. Меня до глубины души потрясла философия Анны и ее отношение к этому, когда-то очень любимому мною в детстве городу... В целом философия эта проста: когда что-то старое умирает, появляется что-то новое. Это закон развития и закон будущего...

– Будущее Питкяранты, – говорит Анна, – видится мне в таком нетронутым месте, как Ладожские шхеры, – не застроенным, не раскупленным под частные богатые дачи берегом, открытым для всех, с этим лесом.

Мы стоим с Аней на берегу прекрасной и суровой Ладоги.

– Вот она, настоящая Питкяранта, это самое сильное и прекрасное место здесь для меня! И

это место находится рядом с городом! Большой город напрягает, он реально забирает все твоё время. Схема существования проста: забираться в свой район и сидишь там. По мне так лучше сидеть на берегу озера или в лесу. Я чувствую себя здесь как дома и хожу сюда сосредоточиться и отдохнуть. Питкярантские еловые леса с первого взгляда впечатлили меня и захватили мое воображение. Все идет от внутреннего восприятия мира. Если у человека есть источник силы, который он хочет открыть в себе, тогда он будет видеть мир прекрасным всюду, и в ельнике в том числе.

– Для меня внешний мир не так важен, – Анна задумчиво смотрит на Ладогу. – Гораздо важнее то, что происходит внутри меня. И это я называю «найти в себе источник». Когда он найден, перестаешь раздражаться на что бы то ни было.

Питкяранта. Длинный берег моего детства, такой далекий, такой малопознанный, с возрастом приходит неизбежное осознание того, что теперь ты снова становишься ближе и роднее... А может, просто пришло время собирать камни...

□

Ирина ЛАРИОНОВА –

фотограф и журналист,

заслуженный работник культуры Карелии.

Член Союза фотохудожников России с 1990 года,

член Союза журналистов с 1992 года.

Бронзовая медаль ВДНХ за работу с детьми в области фотографии.

Работы были представлены на региональных и всероссийских, а также зарубежных выставках (Германия, Испания, Польша,

Шотландия, Финляндия).

Фотография «Воспоминание о детстве» на выставке в Испании в 1987 году была отмечена бронзовой медалью.

В журнале «Север» публикуется впервые.

